

24 СЕН 1974

МОСКОВСКИЙ КОМБООМОНЕЦ

г. МОСКВА

5

Предлагая вниманию читателей «Московского комсомольца» (газеты, которую я постоянно читаю и люблю) отрывки из своей книги «Почти серьезно...», я, естественно, волнуясь. Волнение, как перед премьерой, когда после долгих репетиций или съемок выносишь свою работу на суд зрителя.

«Почти серьезно...» — условное название. (Если читатели предложат другое, более интересное, буду им признателен). Эта книга о моем детстве и о службе в армии, об учебе в студии клоунады, о съемках в кино, о работе в цирке и, конечно, о людях, с которыми я встречался, с которыми дружу.

В книге читатель не найдет теоретических выкладок о природе комедии, о сложностях и проблемах кинодраматургии — это дело критиков, искусствоведов. Я пишу о том, что видел, что знаю, что меня беспокоит и волнует. Естественно, специфика профессии (я клоун в цирке, исполнитель целого ряда комедийных ролей в кино) накладывает отпечаток на всю мою жизнь. Отсюда моя особая любовь к смешному, ироничному, и, может быть, поэтому забавное, неожиданное, смешное прочнее задержалось в моей памяти.

Целиком книга будет опубликована в 1975 году на страницах журнала «Молодая гвардия». Но я надеюсь, что те отрывки, которые прочтет читатель газеты, дадут представление о ней в целом.

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИН

ПЕЧАТАЕТСЯ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

СЛУЧАЙ В БИБЛИОТЕКЕ

Все мое детство связано с московским двором. Я жил в переулке Токмакова, дом № 15.

Немало книг прочел я в столичной читальне имени Пушкина, где, кстати говоря, вместе с отцом стал свидетелем двух смешных случаев, о которых я хочу рассказать. Собрание смешных случаев, их анализ, — а почему было смешно? — помогают мне в работе клоуна и сегодня.

В читальне имени Пушкина произошли случаи, которые могут стать иллюстрацией того, что смешным может оказаться и вовсе на первый взгляд не смешное.

Тишина. Все занимаются, слышно лишь, как переворачиваются страницы. Если у кого-то нечаянно упадет ручка, все невольно оборачиваются. Все ходят, чтобы не отвлекать сидящих, на цыпочках, осторожно.

И вдруг среди тишины раздался громкий, спокойный, уверенный голос:

— Товарищи, одну минутку, прошу внимания.

Все тут же подняли головы, заранее зная, что сейчас, наверно, прозвучат объявления о встрече в малом зале с каким-нибудь поэтом или о консультации по литературе для поступающих в институт.

Но тут просил к себе внимания не работник библиотеки, а кто-то из читателей — видимо, студент. Когда все посмотрели на него, он сказал:

— Товарищи, я ухожу. Всего хорошего. — И ушел.

Наступила минутная пауза. Потом возник смехок, и затем все захохотали. Людей отвлекли от работы минут на сорок.

Все начали говорить:

— Ну надо же, вот чудак-то, хулиган.

— Да он разыграл всех.

— Он просто с нами попрощался, вежливый человек. Я же думал, что, наверно, это было сделано на пари. И второй случай. Летом, когда на улице стояла жара, мы, занимаясь в библиотеке, снимали пиджаки и вешали их на стулья. Вдруг на виду у всех, явно обращая на себя внимание, подошел один парень к стулу молодого человека и, заговорщицки подмигнув и приложив палец ко рту (мол, не выдайте, идет розыгрыш), аккуратно сняв со спинки стула пиджак, ушел на цыпочках из библиотеки.

Прошло некоторое время. Молодой человек, закончив заниматься, начал собираться домой и видит — нет его пиджака.

— Товарищи, никто не видел, куда мой пиджак делся? — спросил он.

— Да ваш дружок его взял, — сказал ему кто-то.

— Какой дружок?

И тут до всех дошло: на глазах у всех украли пиджак. Все видели жулика и ему улыбались, а в кармане пиджака, оказывается, лежала стипендия.

МОЯ МАМА

В одном из хроникальных фильмов о цирке есть эпизод: на манеже мы с моим вот уже двадцать пять лет постоянным партнером Михаилом Шуйдиным делаем репризы.

Смеется зал. И крупным планом показана сидящая в третьем ряду полная женщина с белыми как снег волосами. И звучит голос диктора: «И только одна женщина в зале не смеется. Это мать одного из клоунов. Мать Юрия Никулина».

Да, это моя мама. Оператор снял ее, когда она пришла в цирк, чтобы посмотреть на нашу работу. Она показывается на экране всего восемь секунд со своей немного смущенной и доброй улыбкой.

Маме за семьдесят, а мне за пятьдесят, но смотрит она на меня, как на ребенка. Мама всегда мама.

А самое первое впечатление от мамы — ярко-оранжевая шляпа. В то время, когда я родился, носили модные большие шляпы с полями и лентами. Моей матери прочили славу на подмостках сцены, но она не пошла учиться на актерский факультет, считая, что должна жить для меня. Все свободное время от готовки, магазинов, уборки, стирки она отдавала мне.

Маленьким я любил встречать маму, когда она возвращалась из магазинов, от знакомых. Все время выбегал из дома и смотрел, не идет ли она? Узнавал ее издали. Сначала как бы аидел глаза — большие и очень выразительные. Тут же бежал к ней, а она стояла, расставив руки, и мне ужасно приятно бывало в момент столкновения с мамой делать выдох:

— Ух...

А мама в ответ издавала звук.

— Ох...

И я попадал в ее объятия. Потом мы вместе шли домой.

Мама порой поступала со мной сурово. Она умела говорить слово «нет». Я знал, если мама сказала «нет», значит, это твердо, сколько ни проси, ни кланчи.

Летом в деревне моим воспитанием занималась бабушка. Помню, она часто меня наставляла:

— Никогда в гостях не канючь, не жадничай, сами дадут. Никогда ничего не проси.

Я старался выполнять бабушкин совет. Помню, пошел с бабушкой мы как-то в гости к знакомым, где меня часто угощали всякими вкусными вещами.

Сели за стол, Я помолчал, а потом заявил во всеулышание:

— Не канючь, не жадничай, сами дадут, — и вздохнул тяжело.

Бабушка смутилась, а хозяйка пришла в неопишемый восторг от моей непосредственности и набила мои карманы всякой всячиной.

Родителям, как правило, я всегда говорил правду. Маленьким я вообще боялся врать. Если я пытался обмануть маму, то она говорила строго:

— А ну-ка покажи язык.

Я показывал.

— А почему на языке белое пятно? Значит, врешь?

С тех пор пошло.

— Юра, ты вымыл руки?

— Вымыл.

— А ну покажи язык.

— Ладно, ладно, иду мыть, — говорил я.

Вспоминаю Немецкий рынок на Бауманской. У меня всегда разбегались глаза. Стояли на лотках размалеванные кошки (мне они казались верхом красоты), продавались глиняные петушки... Я крепко держу маму за руку, боясь потеряться, и смотрю по сторонам.

76